

ЮРИЙ ПАВЛОВ

“ЕСЕНИН” БЕЗ ЕСЕНИНА, ИЛИ ПУТЬ В БЕСПУТЬЕ

Новая книга Аллы Марченко “Есенин: путь и беспутье” (М., 2012) многим отличается от “Поэтического мира Есенина” (М., 1972, 1989), одной из первых попыток этого исследователя постичь творчество русского гения. Отличается, прежде всего, тем, что это *другая* книга о поэте, не дублирующая предыдущую, как часто бывает в подобных случаях. В новой книге упор сделан на жизнь Есенина, на её идейно-любвные стороны. Неизменной же осталась позиция Марченко – неприятие Есенина как одного из человеческих и творческих воплощений русского мира первой трети XX века.

Ещё в середине 80-х годов минувшего столетия Алла Марченко в статье “Обещает встречу впереди...” (“Новый мир”, 1985, № 9), ставшей впоследствии заключительной главой книги “Поэтический мир Есенина”, попыталась отлучить своего героя от русского мира. Она, объясняя причины успеха поэта в северной столице, прибегает к испытанному методу, пуская в ход обветшалые легенды: поэт попал в Петербург – славянофильский центр, охваченный русоманией и пользовавшийся “монаршим покровительством”. Такой контекст, видимо, должен дискредитировать творчество С. Есенина, и не его одного. “Блок, – утверждает А. Марченко, – только что переживший “Поле Куликово” и мучившийся поздней и трудной любовью к “нищей” России, принял Есенина как её полномочного посла...”. Но, во-первых, любовь А. Блока к России нельзя назвать поздней. Во-вторых, каким “аршином” измеряет жизнь и творчество поэта А. Марченко, говоря, что “Блок только что пережил “Поле Куликово”? Семь лет, отделяющие этот цикл от 1915-го года (года встречи С. Есенина и А. Блока), – срок большой во всех отношениях.

Итак, с точки зрения А. Марченко, неизвестный поэт явился к прославленному писателю как посол России, славянофильства, русомании, поддерживаемой монархом. Такое понимание вопроса объясняется отношением исследователя к главной теме творчества Блока и Есенина – теме Родины. О ней прямо и косвенно говорится явно без симпатии, например, как о “старом национализме”. В этом, конечно, А. Марченко не оригинальна. Подобные взгляды доминировали на протяжении многих лет, начиная ещё с 20-х годов. Правда, А. Марченко идёт дальше своих предшественников. Она свела человеческую и творческую судьбу Есенина к драме самолюбия. Непризнанность поэта новой властью, обиды на неё привели к следующему: Есенин “решил, что обиделся вместе с русским мужиком и за него тоже. Драматическое положение усугублялось тем, что при этом он не желал ни быть, ни слыть ходяком по рязанским делам”. Ларчик, оказывается, просто открывался, но эта та простота, которая хуже воровства.

Эгоцентризм Есенина А. Марченко доказывает цитатой из автобиографии поэта: “Крайне индивидуален”. Неудобно напоминать азбучные истины известной исследовательнице: крайняя индивидуальность присуща любому настоящему художнику, а между индивидуальностью и эгоцентризмом – пропасть, а не тождество, возникающее лишь тогда, когда индивидуальность – индивидуалист.

Книгой “Есенин: путь и беспутье” Марченко продолжает свою антиесенинскую линию. Наиболее показательна в этом отношении первая глава. Она из 22-х глав книги – самая последняя по времени написания, о чём свидетельствуют и факт её первой публикации (“Вопросы литературы”, 2011, № 5), и цитируемые в ней источники. Сия глава, значительно превосходящая по объёму все другие, является наиболее принципиальной. Поэтому уделим ей особое внимание.

С первых страниц книги Марченко создаёт мифы, рассчитанные на людей легковверных и далёких от литературы. Воссоздавая, например, атмосферу появления версии об убийстве Есенина, Марченко утверждает: “К середине 70-х годов Есенин перестал быть всего лишь Поэтом. С тяжёлой руки Станислава Куняева (“Добро должно быть с кулаками”) и стоящей за ним “русской партии” Есенина торжественно возвели в новый чин – персонифицированную национальную идею, в результате чего он и оказался в пантеоне неприкасаемых”. И как следствие: “Такой Есенин не имел права наложить на себя руки” (с. 13).

Однако в работах Станислава Куняева 70-х годов названные Марченко акценты (“персонифицированная национальная идея” и подобные) отсутствуют вообще. А версия исследовательницы о возведении в чин и о попадании в неприкасаемые, да ещё с подачи “русской партии”, порождена безудержной фантазией Аллы Максимовны. Отмечу лишь, что все есениноведы (неоднократно почему-то называемые Аллой Марченко “есениноведами”) того времени (Юрий Прокушев, Пётр Юшин, Евгений Наумов и т. д.) стремились сделать из Есенина советского поэта, и русское ими понималось в духе времени – с атеистических, партийных, космополитических позиций. Например, Юрий Прокушев, которого Марченко уважительно называет “главным специалистом по Есенину” (с. 27), так характеризует комиссара Рассветова из “Страны негодяев”: “патриот и верный сын России”, человек “со многими замечательными чертами характера коммуниста” (Прокушев Ю. Сергей Есенин. – М., 1973). Невыдуманный Рассветов, как остальные и большевики “первой волны”, “ленингогвардейцы” – специфичный патриот, советский патриот с ярко выраженной русофобией. Своё отношение к Родине он формулирует вполне определённо: “Вся Россия – пустое место. // Вся Россия – лишь ветер да снег”. Невольно вспоминается признание, адресованное России, другого “патриота”, русскоязычного поэта-руссофоба Владимира Маяковского: “Я не твой, снеговая уродина”.

Солидарна Марченко с есениноведами советского разлива и в категоричном признании факта самоубийства Есенина. Обсуждение версии убийства поэта является главным сюжетом первой главы. Конечно, Марченко не признаёт убийства Есенина и в качестве одного из аргументов в пользу официальной точки зрения приводит следующий: “Если бы в двадцатые годы хоть кто-нибудь усомнился в том, что Есенин повесился, а не “найден повешенным”, мне бы на это хотя бы намекнул Илья Ильич Шнейдер, коммерческий директор московской школы Айседоры Дункан” (с. 15).

Что за универсальный критерий – коммерческий директор школы Дункан? Вполне очевидно, что Шнейдер не мог знать всех усомнившихся. А если и знал таковых, то ему по разным причинам могла быть ближе или удобнее официальная версия. К тому же усомнившиеся всё-таки были. Это Николай Браун и Борис Лавренёв, вызванные в “Англетер” подтвердить факт самоубийства Есенина и отказавшиеся подписать протокол. А Всеволод Рождественский, сделавший это, объяснил свой поступок весьма своеобразно: “Мне сказали – нужна ещё одна подпись” (Браун Н. Я не инакомыслящий, я – мыслящий, это опаснее... // “Посев”, 2009, № 4). Отказалась признать самоубийство Есенина и мать поэта, которая, по свидетельству А. Берзинь, “отпевала его заочно”.

Отсутствуют в размышлениях Марченко и ссылки на показания секретаря есенинской похоронной комиссии Павла Лукницкого. Алла Максимовна, многократно цитирующая книгу П. Лукницкого “Встречи с Анной Ахматовой” как авторитетный источник, “не замечает” следующий фрагмент её: “Есенин мало был похож на себя. Лицо его при вскрытии исправили, как могли, но всё

же на лбу было большое красное пятно, в верхнем углу правого глаза – желвак, на переносице – ссадина и левый глаз – плоский: он вытек”. Обходит стороной Марченко и показания санитаря К. Дубровского, рисунки В. Сварога и другие свидетельства, подтверждающее версию об убийстве Есенина.

В трактовке смерти поэта Алла Максимовна последовательна, её позиция не изменилась с течением времени. В конце книги “Поэтический мир Есенина” в числе причин самоубийства поэта Марченко называет обиду, болезнь, галлюцинации, манию преследования, неприютность, невезение. “Словом, – заключает Марченко, – образовался такой тугой узел, что распутать его казалось невозможным, легче было оборвать”. И далее, явно не с христианских позиций, с большой дозой оригинальничания, за которой – душевная глухота и неправда, тотальное непонимание ситуации и судьбы Есенина, Марченко подводит итог: “Человек, у которого в жизни не осталось ничего, кроме стихов, мог принести им (друзьям и близким. – Ю. П.) и эту, последнюю, жертву. Смертью выиграть победу, как выиграл проигранный Амундсену Южный полюс капитан Скотт”.

В рецензируемой книге называются новые причины смерти: психическое расстройство – меланхолия (с. 42), преследовавшее чувство смерти, которое могло и не реализоваться, если бы не безденежье, простуда Тихонова, иное поведение Эрлиха (с. 573). Появляется и новая версия смерти – несчастный случай (с. 40–41). Эту версию, по мнению Марченко, “начисто исключить” невозможно.

Я готов опровергнуть эти и многие другие утверждения, оценки, версии Аллы Максимовны. Всего таких “пунктов” для полемики я насчитал в книге более ста пятидесяти. Но, понятно, такого длинного спора никакой читатель не выдержит, не говоря уже об определённом журналом объёме публикации. Поэтому отмечу лишь некоторые, типичные особенностями данной книги, вызывающие возражения.

На большинстве суждений автора “Есенин: путь и беспутье” лежит отпечаток его идеологических пристрастий. Либеральная партийность довлеет над исследовательской объективностью и элементарной человеческой порядочностью. Вот, например, Марченко выговаривает редакции “Посева”, “редакции солидного либерального журнала” (с. 26), за публикацию интервью с Н. Н. Брауном. Он, поэт и бывший политзаключённый, приводит свидетельство своего отца, выносившего мёртвого Есенина из “Англетера”. Факты, сообщённые Н. Л. Брауном, и его оценки подтверждают версию об убийстве поэта.

Конечно, Марченко привыкла к тому, что все либеральные авторы и все либеральные журналы признают официальную советскую версию самоубийства Есенина. Одни лишь сомнения в справедливости данной версии, по мнению другого либерального критика, Валерия Шубинского (“Новое литературное обозрение”, 2008, № 1), есть уже свидетельство неадекватности сомневающегося. Вот и Алла Марченко, пытаясь дезавуировать интервью Брауна, находит у него возрастную неадекватность, о которой сообщает так: “престарелый сын Н. Л. Брауна” (с. 26). Уточним, что Николаю Брауну в момент интервью был 71 год, и нет никаких причин сомневаться в его памяти и адекватности. Сама Марченко многократно приводит свидетельства людей ещё более почтенного возраста, нигде не называя их престарелыми и не ставя под сомнение эти свидетельства. Да и самой Алле Максимовне, много раз предающейся воспоминаниям в книге о Есенине, в этом году исполняется 80 лет.

Не менее характерен сюжет первой главы – рассуждения Аллы Максимовны о схожести обстоятельств, спровоцировавших трагедии Владимира Маяковского и Сергея Есенина (с. 42–43). Вполне предсказуемо, что в числе причин, обусловивших самоубийство Маяковского, не называется главная – “роман” с Вероникой Полонской. Не называется потому, что Алла Максимовна смотрит на трагедию поэта глазами “заинтересованных лиц” – Лили Брик и семейства Катанянов. Давно пора нашим либеральным авторам от трансляции чуть подрумяненных мифов 30–70-х годов минувшего столетия обратиться к реальной истории взаимоотношений Владимира Маяковского с его возлюбленными. И на фоне Элли Джонс, Татьяны Яковлевой, Вероники Полонской Лили Брик займёт подобающее ей место блудницы (Об этом см. мою статью “Случай эстетствующего интеллигента” // “Наш современник”. – 2008. – № 5).

Приведённые примеры показательны: использование грязных приёмов, сознательная ложь – это неотъемлемые составляющие творческого “я” авто-

ра рецензируемой книги. К тому же, выражения Алла Максимовна любит крепкие. Вот как характеризуются противники официальной версии смерти Есенина: “особенно дремучим и мрачным выглядят участок, приватизированный патриотами” (с. 12), “стайки шарлатанов да толпы невежд, к умственным усилиям не приученных” (с. 26), “материал с самыми дремучими вымыслами” (с. 26), “беспрецедентное по безграмотности сочинение” (с. 26), “неизлечимый дилетантизм, а то и прямое мракобесие” (с. 27), “неистовые мстители” (с. 31) и т. д.

Приведу несколько аргументов Марченко из её полемики с “невеждами”, сторонниками версии убийства Есенина. Алла Максимовна ставит себе в заслугу то, что она находит объяснение общепризнанному факту: в списках зарегистрированных постояльцев в “Англетере” Есенина не было. Как утверждает Марченко, Есенин дал управляющему В. М. Назарову “денежку” (с. 32). Эта гипотеза ничем не подтверждается, кроме воспоминаний Ольги Ваксель, которая сообщает, что её якобы в 1924 году принимал в “Англетере” Осип Мандельштам. А он, как и Есенин, в списках постояльцев не значился (с. 31). Гипотеза Марченко, как видим, не находит фактологического подтверждения. А её “логика” в очередной раз удивляет отсутствием таковой. К тому же, Алла Максимовна на странице двадцать третьей утверждает, что Есенин уехал из Москвы без денег. Ответ на вопрос, откуда поэт взял деньги на взятку, в книге отсутствует, да и сам этот вопрос у Марченко не возникает.

Ещё один аргумент автора “Есенина” звучит так: “Они же (Власть) запросто могли Есенина арестовать, скажем, по делу его давнего, ещё с дореволюционных лет приятеля, “крестьянского поэта” Алексея Ганина, связавшегося по дурости с “русскими фашистами”, да и прикончить на законных основаниях в подвалах Лубянки?” (с. 19). Таким образом, мало того, что Алла Максимовна признаёт факт существования “ордена русских фашистов” — её солидарность с ЧК симптоматична и умилительна. Более чем странным выглядит и марченковский “диагноз” — “связался по дурости”. Не знаю, что называет дуростью Марченко, но знаю другое: тезисы Ганина “Мир и свободный труд — народам”, написанные в 1924 году, стали для Агранова и чекистской компании одним из главных обвинительных пунктов по делу “ордена русских фашистов”. Приведу цитату из тезисов Ганина, а выводы о глупости русских фашистов и сентенциях Марченко пусть делает сам читатель: “. . . В лице ныне господствующей в России РКП мы имеем не столько политическую партию, сколько воинствующую секту изуверов-человеконенавистников, напоминающую если не по форме своих ритуалов, то по сути своей этики и губительной деятельности средневековые секты сатанистов и дьяволопоклонников. За всеми словами о коммунизме, о свободе, о равенстве и братстве народов таится смерть и разрушения, разрушения и смерть. Достаточно вспомнить те события, от которых всё ещё не высохла кровь многострадального русского народа, когда по приказу этих сектантов-комиссаров оголтелые, вооружённые с ног до головы, воодушевляемые еврейскими выродками банды латышей беспощадно терроризировали беззащитное сельское население, всех, кто здоров, угоняли на братоубийственную бойню, когда при малейшем намёке на отказ всякий убивался на месте, а у осиротевшей семьи отбиралось положительно всё < . . . > когда за отказ от погромничества поместий и городов выжигались целые сёла, вырезались целые семьи” (“Наш современник”, 1992, № 1).

В последние лет пятнадцать явно набирает силу тенденция сделать из Льва Троцкого заботливого друга Есенина, к которому поэт относился с нежностью и восхищением. Вот и Алла Марченко в разделе о Троцком “Мне нравится гений этого человека. . .” прилагает большие усилия, чтобы представить Льва Давидовича как умнейшего и достойнейшего политика, с редким пониманием относящегося к Есенину, человеку и поэту. Здесь, как и в случае с Колчаком (глава четырнадцатая), автор особенно подчёркивает свою роль первооткрывателя. В первую очередь через полемику “со своим” Олегом Лекмановым и “чужими” Станиславом и Сергеем Куняевыми.

Лекманов характеризуется Марченко как “серьёзный исследователь” (с. 17), как “автор подробно документированной биографии Есенина” (с. 45). Как видим, рецензия Наталья Шубниковой-Гусевой “И это — биография?” (“Литературная газета”, 2009, № 5), в которой убедительно выявляются многочисленные серьёзные просчёты книги О. Лекманова и М. Свердлова “Сергей Есенин. Биография”, на мнение Марченко не повлияла. И понятно, почему. . .

Фактологическая же неточность, допущенная Лекмановым в приводимом Марченко случае, оценивается не как “промах памяти, а вещей знак, свидетельствующий: даже люди редкой книги, а не только люди полужёлтых СМИ, весьма приблизительно представляют себе и конкретику политического бытия двадцатых годов, и характер отношений между действующими лицами происходящей драмы” (с. 46).

Полемика же с Куняевыми примечательна, прежде всего, тем, что даёт наглядное представление о творческой лаборатории Аллы Марченко. По её мнению, Куняевы “как бы и не приклеивают” (с. 46) Троцкого к смерти Есенина по следующей причине: “Чтобы сообразить (и заявить) компромат на его (Троцкого. – Ю. П.) “Слово о Есенине” <...>, пришлось бы объявить во всеуслышание, что Есенин “солгал сердцем”, написав (в 1924 году) “Русь бесприютную” (с. 46). И далее приводимую большую цитату из “Руси бесприютной” Марченко обрывает словами: “В них даже Троцкий” (с. 47).

Во-первых, заданность цитирования очевидна, ибо у Есенина после слова “Троцкий” стоит запятая (а не точка, как у Марченко), а затем следуют слова “Ленин и Бухарин”. Во-вторых, в таком есенинском варианте Троцкий никак автором не выделен, он назван в ряду других советских руководителей. В-третьих, почему очевидная констатация – в “бесприютных” мальчишках живут Пушкин, Лермонтов, Кольцов, Некрасов, Есенин, Троцкий, Ленин, Бухарин – даёт основание утверждать, что поэт “солгал сердцем”? В-четвёртых, как приведённая строчка из “Руси бесприютной” может компрометировать “Слово о Есенине” Троцкого и наоборот?

И дальнейшая полемика Марченко с Куняевыми оставляет всё то же впечатление редкой бездоказательности, абсурда. Алле Максимова кажется почему-то странным, что Куняевы не оспорили статью Сергея Кошечкина “Смерть Есенина: две версии”, нам же странным видится изначальный посыл Марченко. Если бы Куняевы откликнулись на каждый “чих”, на любую публикацию о Есенине, с которой они не согласны, то тогда бы им всю жизнь пришлось заниматься только этим. К тому же, Кошечкин, представитель традиционного советского есениноведения, в своей статье ничего принципиально нового не говорит.

“Молчание” Куняевых получает у Марченко пикантную интерпретацию. Станислав и Сергей Куняевы могли бы оспорить одно из утверждений Кошечкина, ссылаясь на приводимый Марченко эпизод из воспоминаний Романа Гуля. Но он – “мемуарист неудобный”, “ибо наводит подозрительного читателя (другим эпизодом, где Есенин исполняет частушки о Ленине. – Ю. П.) на мысль о сервилизме Есенина. Дескать, и просоветские “Стансы”, и “Русь бесприютная”, и очень правильный Ленин в “Капитане земли” – не что иное, как “циничный карьерный маскарад” (с. 48).

Тот, кто не читал книгу Станислава и Сергея Куняевых о Есенине, может подумать, что для исследователей эпизод из воспоминаний Романа Гуля о его встрече с поэтом летом 1923 года в Берлине – это козырный туз, которым они не могут воспользоваться в силу “неудобности” мемуариста. Однако именно эти авторы одними из первых ввели данный эпизод (с выпадом Есенина против Лейбы Бронштейна) в читательский обиход. А в их книге “Жизнь Есенина” (М., 2001), в главе “Молю Бога не умереть душой...”, этот отрывок из мемуаров Романа Гуля цитируется, в отличие от Аллы Марченко, в полном объёме. К тому же воспоминания якобы неудобного Гуля называются Куняевыми “чрезвычайно важными”. И ещё: в этой же главе авторы приводят большой отрывок из мемуаров Лолы Кинел о том, как Есенин разыграл женщину в 1922 году, сообщив ей, что Ленин – год как умер... А через двадцать страниц в книге Куняевых полностью цитируется сегодня широко известное письмо Есенина Кусикову об отношении поэта к Октябрю и Февралю...

На фоне “весьма рискованной” (Ст. и С. Куняевы) шутки о Ленине и самого крамольного письма поэта эпизод с исполнением частушки (на нём, собственно, строит свою концепцию Марченко) видится почти безобидным. Проецировать же чужой текст частушки на произведения Есенина и делать выводы о сервилизме поэта – это, конечно, вне логики и вне филологии. Либеральные ЧК и ЦК должны учиться у Марченко тому, как стряпать “дела”. И, наконец, видеть в “Стансах”, “Капитане земли”, “Руси бесприютной” “циничный карьерный маскарад” можно только в таком состоянии, когда “в лоб ударила моча” (слова из частушки о Ленине). Во-первых, выражение “карь-

ерный маскарад” предполагает, что карьера состоялась, а это к Есенину никакого отношения не имеет. Во-вторых, названные произведения поэта есть отражение сиюминутных представлений автора о людях и времени, это искренняя попытка Есенина на уровне разума примириться с властью большевиков, попытка стать советским поэтом.

Ещё одна причина “ухода” Куняевых от полемики с Кошечкиным видится Марченко в том, что ссориться с “Правдой”, где статья есениноведа была опубликована, “в 1995-м ещё и опасно, и невыгодно” (с. 47). Данное утверждение, не аргументированное ничем, вызывает, по меньшей мере, недоумение. На основании чего Марченко решила, что точка зрения Кошечкина отражает позицию “Правды”? И существовала ли такая позиция вообще? Напомню, что в этот период газета стала во многих отношениях другой, чем была, скажем, в 60–80-е годы. В ней, например, публиковал свои статьи пламенный антикоммунист Владимир Максимов... То есть создаётся впечатление, что Алла Максимовна судит о “Правде” первой половины 90-х годов советскими мерками. К тому же нелепо и смешно смотрятся тезис о боязни Станислава Куняева “Правды” в 1995 году. Куняев не боялся “Правды” и ЦК КПСС в 70–80-е годы XX века, не боялся и не боится власти и её обслуживающих СМИ в постсоветский период, а “Правды”, малотиражной оппозиционной газеты в середине 90-х годов, вдруг испугался... Да и вообще, полемика – всё равно с кем и в какое время – с позиции “выгоды-невыгоды” – это не о Станиславе Куняеве.

Сюжет с Троцким мог и должен был получить продолжение в главе шестнадцатой “Возвращение на Родину”, события в которой датируются так: август 1923 – март 1924. В этот период помимо встречи со Львом Давидовичем, о чём “вокруг да около” рассказывает Марченко в первой главе, было более судьбоносное событие в жизни Есенина – “дело четырёх поэтов”. В связи с этим “делом” имя Троцкого возникало неоднократно в разных контекстах. Однако Алла Максимовна, с явной симпатией относящаяся ко Льву Давидовичу, с неподдельным интересом пишущая о самых разных мелочах и не мелочах, не имеющих к биографии Есенина никакого отношения, уходит от разговора о существе “дела четырёх”. Она применяет приём, за который в литературной критике выносят вердикт о крайней предвзятости и элементарном непрофессионализме.

Итак, по версии Аллы Максимовны, Есенин после заграничной поездки в пьяном состоянии стал вести себя неадекватно, превращаясь в “другого, чужого человека”. Он “и говорил, и делал то, чего у трезвого Есенина не только на языке, но и в уме, в сердце не было!” (с. 473). Как свидетельствует Галина Бениславская, на которую ссылается Марченко, в таком состоянии поэт становился своеобразным эхом своих “собутельников”: Алексея Ганина, Сергея Клычкова, Петра Орешина и других.

Именно с этих позиций в рецензируемой книге оценивается “дело четырёх” как “некрасивый скандал”, учинённый “в какой-то пивной” (с. 473), и противопоставляется ему “реальная, нешуточная угроза”, исходящая от редактора газеты “Беднота”. Он, как сообщает Алла Максимовна, проживающий в одной квартире с Бениславской, поставил её перед выбором: или выписать из квартиры Есенина, или самой лишиться работы в “Бедноте”.

Пожалуй, впервые в современном есениноведении предлагают нам относиться к “делу четырёх” как к шуточному, как к нереальной угрозе. Все резкие оценки, возникающие в этой связи, опуцу. О “деле” же, в отличие от Марченко, не промолчу.

Как известно, в “деле” поэтов Есенина, Ганина, Клычкова, Орешина обвинение в антисемитизме было главным. По данной статье наказание предполагалось не “шуточное” – вплоть до расстрела. Обсуждалась история “четырёх писателей” широко, живо, на самых разных уровнях. Только одна газета “Правда” дважды откликнулась на сие событие.

Встреча Есенина с Троцким своеобразно реконструируется Марченко в первой главе. Сама Алла Максимовна в этой связи признаётся: “...Ничего достоверного о беседе поэта с почти первым лицом страны Советов нам неизвестно” (с. 60). “Дело четырёх” даёт реальные возможности для постижения логики дальнейшей судьбы Есенина. В сюжете “дела”, от которого отмахивается Алла Максимовна, есть и интересные показания, суждения разных сторон, и реакция на “историю” в печати, и письмо Есенина Троцкому. Оно, впервые опубликованное Натальей Шубниковой-Гусевой в “Литературной газете” (2008, № 3–4),

вошло в её книгу “Сергей Есенин и Галина Бениславская” (СПб., 2008), неоднократно цитируемую Марченко. Однако о письме Есенина Троцкому, вызванном травлей поэтов в печати, Алла Максимовна даже не упоминает.

Ещё один документ, имеющий прямое отношение к вопросу “Есенин–Троцкий”, найден недавно в Российском государственном архиве и опубликован Валерием Артёмовым в той же “Литературной газете” (2010, № 11). Это письмо “В Президиум ВЦИК. Копия т. Троцкому” написано Михаилом Семёновичем Грандовым 20 ноября 1923 года. Именно он фигурирует в рецензируемой книге как безымянный редактор “Бедноты”, от которого якобы исходила реальная угроза Есенину.

Вообще-то Грандов был не редактором, а заместителем ответственного редактора “Бедноты”. Но главное в другом: именно он сообщает в своём письме о бедственном положении бездомного Есенина, что, по словам заботливого Грандова, “подготавливает обильную почву для тяжёлой жизненной драмы этого талантливого человека”. Заключительную часть письма процитирую полностью: “Меж тем при современном жилищном законодательстве и жилищном голоде он бессилён разрешить для себя квартирный вопрос без содействия государственных органов. Об этом содействии я и прошу Президиум ВЦИК. Конкретно дело сводится к тому, чтобы предписать соответствующему учреждению предоставить С. Есенину и его семье (живущей на его иждивении <сестры поэта>) квартиру из трёх комнат с кухней”.

Главной причиной, не позволившей положительно решить квартирный вопрос Есенина, Валерий Артёмов называет “ограничения властных полномочий Троцкого в результате его поражения во внутривластной дискуссии”. Публикатор письма находится в плену тех же мифов о Троцком, что и Алла Марченко. Об отношении Льва Давидовича к Есенину точнее судить по делам его, а не по “словам”: поведению во время августовской встречи, по смертной статье, мемуарам... Именно на этом и не только на этом делает ударение Марченко в своей книге. Дела же Троцкого расходятся с его “словами”.

Нежелание Льва Давидовича помочь Есенину объясняется одним: он не принимал русскости творчества поэта, той русскости, которая Советской властью в 1920-е годы выкорчёвывалась целенаправленно и беспощадно в жизни и литературе. К тому же Есенин был одним из немногих писателей в СССР, кто ещё в первой половине двадцатых годов показал в своём творчестве антирусскую, античеловеческую сущность новой власти. Не мог Троцкий не обратить внимание и на историю с “делом четырёх” по разным причинам – от личной (его имя звучало не раз) до политической (речь шла о сущности Советской власти).

О “деле четырёх” сказано подробно и объективно во многих работах. Я же обращаю внимание лишь на особенность этого “дела”, имеющую прямое отношение к смерти Есенина и к книге Аллы Марченко. Думаю, суд над Есениным, Ганиным, Клычковым, Орешиним стал своеобразным сюжетным продолжением “Страны негодяев” и прологом к гибели всех фигурантов “дела”, гибели, подчеркну, предсказуемой.

Насильственная смерть Ганина, Есенина, Клычкова, Орешина угадывается в той интерпретации “истории в пивной”, которая давалась стороной обвинения в широком смысле. Назову хулителей Есенина: инициатор-провокатор М. Родкин, милиционер И. Абрамович, беспринципный куплетист Демьян Бедный, влиятельнейшие партийные журналисты, редакторы Л. Сосновский, Б. Волин, М. Кольцов.

Чтобы не быть голословным, проиллюстрирую влиятельность Льва Сосновского, неистового ниспровергателя Есенина, следующими фактами его биографии: член РСДРП(б) с 1903 года, один из лидеров журнала “На посту”, ответственный редактор “Бедноты”, член президиума ВЦИК, постоянный автор “Правды”, который и после смерти Есенина опубликовал на её страницах статью “Развенчайте хулиганство” (1926, № 216).

Я акцентирую внимание на этом ещё и потому, что все либеральные авторы, Алла Марченко в том числе, утверждают: Есенина как идейного противника никто всерьёз не воспринимал, ему симпатизировало партийное руководство, поэт был просоветски настроен, он – человек слабый, сломленный, больной...

Итак, названные обличители “четырёх поэтов” “историю в пивной” и за её пределами оценивали как выступление против “засилья жидов” в литературе, против советской – “жидовской” – власти и её представителей Троцкого и Ка-

менева. Срежиссированная кампания против Есенина и его друзей была первой публичной попыткой сфабриковать политическое “дело” против русских писателей. Первая попытка не удалась, но сценарий для будущих “дел” был написан. Особенно показательна в этом отношении публикация Михаила Кольцова.

30 декабря 1923 года – через семнадцать дней после решения суда, после снятия с поэтов обвинения в антисемитизме – вдруг (конечно, не вдруг!) на страницах главной газеты страны “Правда” появляется статья “Не надо богемы” одного из самых идеологически чутких журналистов. В этой публикации Есенин, Клычков, Орешин, Ганин ставятся в один ряд с дореволюционными славянофилами из “Славянского базара” с репутацией антисемитов и даже с немецкими фашистами. Итог же кольцовского “шедевра” есть смысл процитировать: “В мюнхенской пивной провозглашено фашистское правительство Кара и Людендорфа, в московской пивной основано национальное литературное объединение “Россияне”. Давайте будем грубы и нечутки, заявим, что всё это одно и то же...” (цит. по: Есенин С. А. Полн. собр. соч. В 7-ми тт. Т. 7. Кн. 2. Дополнения к 1–7-му томам. Комментарии. – М., 2000).

Неудивительно, что через год с небольшим после публикации статьи Кольцова по делу “Ордена русских фашистов” был расстрелян Алексей Ганин. Закономерно и то, что в 1934 году на I съезде писателей СССР в разряд фашистов, “изменников человечества” попал уже Фёдор Михайлович Достоевский. Виктор Шкловский (его по другому поводу Марченко почтительно называет “человеком не робкого десятка”) вынес сей приговор писателю, руководствуясь всё той же логикой Михаила Кольцова.

Но не стоит заикливаться на персоналиях (М. Кольцов, Л. Сосновский и т. д.) или сводить проблему к еврейскому происхождению хулителей Есенина. То, что озвучивали Кольцов и компания, не просто висело в воздухе, а было кислородом той эпохи. Сосновские, бухарины, кольцовы выражали линию партии в русском вопросе. И смерть Есенина нужно рассматривать именно в этой национально-политической плоскости. Тогда станет очевидным, что конфликт Есенина с Троцким и Советской властью вообще неизбежен и, более того, неразрешим, ибо это был конфликт русского человека, поэта с антирусской властью. С Есениным произошло то, что рано или поздно должно было произойти.

В ещё одной “оригинальной” четырнадцатой главе “А если это Колчак?” речь формально идёт о поэме Есенина “Пугачёв”. Это произведение уже рассматривалось Марченко ранее в упоминавшейся книге “Поэтический мир Есенина”, в главе “Душа моя устала и смущена от самого себя и происходящего”. “Пугачёв” анализируется Аллой Максимовной, как тогда говорили, с верных методологических – партийных – позиций и на высоком научном уровне. Видимо, поэтому так разительно отличается “Пугачёв” в интерпретации Марченко от “Пугачёва” Есенина. Особенно впечатляют предложения, подобные следующему: “Струение корабельных образов – не единственный формообразующий элемент, использованный Есениным в “Пугачёве”.

В постсоветское время Алла Максимовна настолько прозрела, что переплюнула всех, кто анализирует есенинскую поэму сквозь призму событий XX века. Ещё в 60-е годы минувшего столетия Пётр Юшин выдвинул следующую версию прочтения “Пугачёва”: “Взяв в качестве сюжета пьесы исторический факт, Есенин перенёс его в послереволюционные условия, заполнил монологи героев характерными для первых советских лет авторскими переживаниями, ассоциациями и оценками” (Юшин П. Сергей Есенин. – М., 1969). В последние два десятилетия некоторые авторы привязали есенинского “Пугачёва” к конкретным событиям и историческим персонам: Махно и крестьянское движение на Украине (В. Мусатов и большая часть исследователей), Антонов и Тамбовское восстание (Ст. и С. Куняевы).

Самую оригинально-фантастическую версию высказала в 2006-ом году Алла Марченко в статье “А если это Колчак?” (“Вопросы литературы”, 2006, № 6). Эта статья через шесть лет стала четырнадцатой главой рецензируемой книги. В ней Алла Максимовна утверждает: адмирал Колчак – “второй Пугач”, его личность и деятельность на посту Верховного Правителя России нашли зашифрованные отклики в поэме Есенина. Приведу показательный довод Марченко: “Есенинский Пугачёв, предлагая сподвижникам план спасительного отступления, упоминает Монголию, что, согласитесь, выглядит довольно стран-

но. (Где Монголия, а где заволжские степи и Яицкий городок?) Зато в рассуждении Колчака ничуть не странно” (с. 435). Однако нигде в поэме Монголия как вариант убежища не называется. В последней главе Пугачёв и его сподвижники говорят о бегстве в Азию через Гурьев и Каспий. То есть обсуждается идея, которую действительно высказывал реальный Пугачёв, стремившийся в Персию или на Кубань.

Монгольские же орды, упоминаемые в монологе самозванца, – это условное название всех кочевых азиатских народов в поэме, включая башкир, татар, калмыков, воевавших на стороне Пугачёва. Доказательством тому являются слова самозванца в четвёртой главе, речь Зарубина в шестой главе и следующий ответ Крямина Пугачёву:

*Знаем мы, знаем твой монгольский народ,
Нам ли храбрость его неизвестна?
Кто же первый, кто первый, как не этот сброд,
Под Самарой ударился в бегство?*

В аннотации к книге Марченко нас уверяют, что её автор “строит свою убедительную реконструкцию” трагического пути Есенина. Выражение “строит <...> реконструкцию”, мягко говоря, смущает, а оценка книги вызывает возражения, ибо никакой убедительности в ней нет уже потому, что Марченко за пределами вольно обращается с историческими фактами, событиями, людьми. Они для автора лишь материал для иллюстрации идей, нередко экстравагантных. И глава о Пугачёве–Колчаке в этом отношении показательна.

В ней Алла Максимовна демонстрирует свои знания истории, демонстрирует довольно часто без необходимости и очень навязчиво. Например, она, желая подчеркнуть единственность судьбы Колчака, сообщает: “Все остальные фигуранты “белого сопротивления” “красному террору” либо убиты при попытке к бегству (Антонов), либо самовольно пустили себе пулю в лоб (Каледин), либо благополучно ретировались за границу (Деникин, Юденич, Врангель, Краснов). В истории устранения Махно момент торга, конечно, наличествовал, но расплатились с батькой не червонцами” (с. 423).

Во-первых, невозможно понять, почему фигурантами “белого сопротивления” у Марченко являются Махно и Антонов, не имеющие к нему никакого отношения. Во-вторых, где в списке Аллы Максимовны Лавр Корнилов и Михаил Алексеев – те, с кого, собственно, “белое сопротивление” начиналось?

Правда, имя Корнилова возникает в книге Марченко в другом контексте (с. 425–426). Здесь, думаю, Алле Максимовне следовало бы отметить явную фактическую ошибку, допущенную Есениным в “Песне о великом походе”, а не повторять её вслед за ним. То есть не мог Колчак посылать отряды на помощь Корнилову, ибо Лавр Георгиевич погиб 17 апреля 1918 года, а Колчак в первой половине этого года был “никем”, искал применения своим силам, передвигаясь по маршруту Япония–Сингапур–Китай.

Алле Марченко, с увлечением пересказывающей биографию Колчака в объёме, значительно превышающем разговор о поэме “Пугачёв”, всё-таки следовало бы знать элементарные факты из биографии адмирала. Например, Верховным Правителем России Колчак стал не в январе 1919 года, как убеждают нас на странице 425-й, а в ноябре 1918 года. Адмирал в своём обращении “К населению России” писал: “18 ноября 1918 года Всероссийское Временное правительство распалось.

Совет Министров принял всю полноту власти и передал её мне – Адмиралу Русского Флота, Александру Колчаку”.

Марченко, транслируя мифы о Колчаке, не видит главного, того, что, собственно, и делает адмирала личностью трагической. Он, выступивший “против чудища насилия”, во многом стал сродни этому “чудищу”. Общеизвестно: против собственного народа воевали не только “красные”, но и “белые”, Колчак в том числе. О перерождении “белых” в “красных”, о тождестве противоборствующих сторон в отношении к мирным жителям писали такие “добровольцы”, как Василий Шульгин, Антон Деникин, Роман Гуль. У Марченко, конечно, ни о чём подобном речи не идёт. Не говорится и о карательных акциях колчаковцев против гражданского населения, и о массовом сопротивлении сибиряков Верховному Правителю России, и о многом другом, мешающем восприятию адмирала как “единственной трагической (и романтической) фигуры в истории Белого движения” (с. 428).

Не менее “политических” глав удивляют главы “любовные”. Если в главах “политических” всё и вся подгоняется под либеральные взгляды Марченко и её фантазию, то в “любовных” главах Алла Максимовна своеобразно обнажает кажущуюся ей сущность героев книги. Сущность, чаще всего, неприглядную, низменную, животную. Именно повествование об этой сущности является ключевым в главах с семнадцатой по двадцатую.

Вполне очевидно, что особый интерес у Марченко вызывают те свидетельства современников, в которых выливается “грязь” на женщин С. Есенина и на него самого. Уточню, под “грязью” я понимаю предвзятые, несправедливые оценки и характеристики, не дающие или дающие очень искажённое представление о человеке. Например, не было никакой необходимости приводить такое высказывание Анатолия Мариенгофа о Зинаиде Райх: “Я обычно говорил о ней: “Эта дебёлая еврейская дама”. Щедрая природа одарила её чувственными губами на лице круглом, как тарелка. Одарила задом величиной с громадный ресторанный поднос при подаче на компанию. Кривоватые ноги её ходили по земле, а потом по сцене, как по палубе корабля, плывущего в качку” (с. 486).

И всё же среди цитатной “грязи”, в изобилии собранной Марченко, особую роль в книге играет “грязь” сексуальная. Вот в главе девятнадцатой “Молодая, с чувственным оскалом...” цитируется большой отрывок из дневника Корнея Чуковского, где характеризуется Софья Андреевна Толстая. Приведу только некоторые слова и фразы (по причине гигиенической в том числе) из этого, по словам Марченко, “чрезвычайно интересного” якобы психологического портрета: “сладострастна, честолюбива, вздорна, ветрена”; “тело всё в волосах, от чего её прозвали “Сонька – меховая нога”; “Тогда она пустилась в разврат – сошлась с каким-то, как говорят, жидом”; “А ей всего 23 года – и все вокруг благоговейно пред её чистотой” (с. 512).

Весьма характерно то, какой отклик вызывает у Марченко цитата из Чуковского. Если это не автопортрет Аллы Максимовны как создателя книги, то довольно впечатляющие штрихи к нему. Судите сами: “Сонька – меховая нога” была штучкой совсем иного сорта. Чтобы раскусить столь крепкий орешек, надо было обладать не есенинским здоровым смыслом, а феноменальной (не человек, а томограф) сверхзречностью Чуковского. В одном ошибался проницательный Корней Иванович: Софья Андреевна была, может быть, и не совсем глупа, но недостаток ума усугублялся поразительной чёрствостью, я бы даже сказала, душевной бездарностью” (с. 513).

Далее Толстая характеризуется как “беспутная скромница”, “искательница острых ощущений” (с. 516), “испорченная и развратная” (с. 518). Её же интерес к Есенину объясняется с позиции “ниже пояса” – универсальной для Марченко позиции. Оказывается, Толстую интересовал ответ на вопрос: что Дункан, “заморская секс-бомба”, “великая блудница”, нашла в Есенине? Великий поэт был для Софьи Андреевны “прежде всего “сексуальным феноменом” (так странницей ранее Марченко характеризует отношение Толстой к Григорию Распутину).

Нет смысла комментировать эту нелепую “сексуальную” версию и многие другие, ей подобные. Выразу лишь своё удивление, вызванное таким живым, сладострастным, болезненным интересом женщины к сексуальности в столь почтенном возрасте.

Фёдор Михайлович Достоевский, обращаясь к Николаю Ивановичу Костомарову, сказал: “Чтобы быть русским историком, нужно быть, прежде всего, русским. Вы... не русского духа...” (цит. по: Селезнёв Ю. В мире Достоевского. – М., 1981). Перефразируя классика, можно утверждать: чтобы написать полноценную работу о Есенине, нужно быть русским по духу. По сути, о том же говорит Юрий Мамлеев. Он, рассматривая тему России в лирике М. Лермонтова, А. Блока, С. Есенина, верно замечает: “Чтобы понять это, надо иметь такой ток” (“Советская литература”. – 1990. – № 1).

Русский “ток”, дух в Алле Марченко отсутствует. Поэтому и её новая книга – это повествование не о Сергее Есенине, а о человеке и поэте, внешне похожем на русского гения. И не более того. Зато автопортрет Аллы Максимовны получился выразительный, законченный, запоминающийся. И, конечно, жаль тех читателей, которые примут многочисленные авторские “выпукления” (С. Есенин) за правду о поэте, о его современниках и времени. Новая книга Марченко есть очередное свидетельство того, что путь либеральных исследователей русской литературы – это путь в беспутье, путь в никуда.